

Закон любовного притяжения

«Почему бывает любовь? Отчего папа выбрал маму, а не румяную соседку тётю Лиду, или худую и бледную тётю Зою из первого подъезда? С Таней Сабанеевой из книжки всё понятно, в кого же еще ей было влюбляться, как не в Колю, но это частный случай, как говорят учёные. Если взять весь земной шар, всю нашу огромную Советскую страну? Когда, как и почему один выбирает другого?» — Вере очень хочется найти ответ. Узнать бы, где он прячется. В папином сердце? В маминой голове? В глазах старшеклассницы Серафимы, бегающей на свидания с Васей из ремесленного? Говорят, зимой они целовались в подъезде, а тётя Лида потом целую неделю не выпускала Симу на улицу. Возможно, ответ укрылся между страниц истории, которую Вера только что прочитала. Но где? Вера сердито захлопывает книгу, словно ластиком, трет пальцем каждую букву названия «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви», будто от этого вместо слов проявится готовая формула. Формулы нет.

«Должен быть какой-то закон! Как в физике — закон притяжения. Пока ты мал, то сила притяжения невелика, чем ты старше, тем сила больше. Нет, не то! Тогда бы все притягивали всех без разбора. Может быть, Луна управляет не только земными приливами и отливами, но и любовью тоже. Или какая-нибудь звезда Альдебаран. Её лучи долетают до нас, проникают прямо в мозг и заставляют влюбляться. Не звезда даже, а планета, загадочная красная планета Марс! Марсиане не воюют с нами, а влюбляют! Пускают свои огненные лучи, как амур и купидоны стрелы», — Вера не сильна в астрономии, но она читала «Войну миров» этим летом и вполне допускает вмешательство инопланетного разума. «Глупости, ерунда, фантастика! Должен быть закон, как в математике. Логичный, неоспоримый и невыдуманный. Ну ничего, теперь в школе начнётся физика, и я обязательно разберусь, и закон этот самый открою. Получу за открытие Ленинскую премию, увижу все страны мира, даже Австралию и дику собаку Динго увижу».

Завтра — первое сентября, и оно будет совсем не таким, как раньше. Женской школы больше нет, во дворе говорили, что вывеску уже сменили. Мальчики и девочки будут учиться вместе, как Таня и Коля из книги, ходить в один класс, сидеть за одной партой. Невероятно! Интересно, сильно отличаются мальчики школьные от мальчишек, с которыми Вера играет в лапту и салочки во дворе? Теперь за формой надо следить в сто раз внимательнее. Одно дело подружки заметят пятно на платье, сделают замечание,

может быть, посмеются чуточку. Совсем другое дело, если мальчишки. Даже подумать страшно, какой это позор!

Форма выглажена, висит почти под самым потолком, на карнизе для штор. Вера никогда не вешает форму на ручку двери или стул, ещё заденет кто, испачкает. Ничего, совсем скоро мама купит шкаф, во всю стену и с зеркалом внутри, они с папой два года на шкаф деньги откладывали. Мама говорит, что в новый шифоньер смогут залезть и Вера, и Манечка, и Тома, и для маленького Сережки еще место останется! Вера внимательно разглядывает платье, праздничный передник — нет ли мятого, не висит ли где нитка. «Белеет фартук одинокий», — Вера улыбается, скорее бы завтра.

Форма в порядке, портфель тоже собран, осталось лишь положить книги, завтра после уроков нужно заскочить в библиотеку. Таню Сабанееву нужно было сдать еще вчера, но Вера решила перечитать повесть еще раз, «Три мушкетера» отложим, еще пять дней можно подержать, а вот эту тоже пора сдавать, до чего же красивая!

Вера пролистывает «Пушкинский музей», задерживается на портрете юноши. Нежные черты, девичьи губы, длинные волосы в мелких кучеряшках, похожих на мягкую шерсть. Когда мама распускает вязаные вещи, нитка закручивается такими же частыми волнами. Кажется, если прикоснуться к картине рукой, то почувствуешь мягкость этой пушистой кудели. «Как они так рисуют! Как настоящее всё, живое. На девушку больше похож, и волосы эти длинные». Вера перечитывает подпись под портретом: «Джованни Антонио Больтраффио "Портрет юноши в образе святого Себастьяна". Под видом святого художник дал свой портрет». Она отчего-то вздыхает и прячет книгу в портфель.

Ночью Вере снятся дикие австралийские собаки, марсиане с луками и важно расхаживающие по коридорам женской школы мальчишки с длинными и курчавыми, как у святого Себастьяна, волосами. На форменной фуражке каждого вместо кокарды светится таинственным оранжевым светом звезда Альдерабан.

— Тема урока, — Иван Сергеевич записывает на доске идеальным почерком, — «Механический эквивалент теплоты».

Поскрипывают перья, ребята старательно выводят в тетрадах непонятные пока слова. Вера тоже выводит, не упуская при этом из виду соседа по парте. Вот уже полгода, как они сидят вместе, полгода, как она носит с собой целый арсенал запасных перьев, карандашей и новенькую стиральную резинку для чернил — вдруг он попросит. Но ему ничего не нужно. Он слишком хорош — никогда ничего не забывает, не опаздывает, не ошибается. И ещё он никогда не смотрит на Веру. Даже в тот раз, когда она читала на уроке литературы стихи Константина Симонова, читала так, что ребята захлопали, будто

она артистка, не смотрел. Все хлопали, а он нет, уставился в рот учительнице, будто боялся пропустить, когда та начнёт говорить. Кажется за эти полгода Вера уже глаза скосила, нелегко это — одновременно следить за учителем перед тобой и соседом по парте. С тех самых пор, как их посадили вместе, из головы не идёт тот портрет. Да, у него нет длинных кудрей, полубокс, как у всех мальчишек, и нос не такой, самый обычный нос, картошкой. Но глаза, ах, какие у него глаза! И губы! Совершенно как у святого Себастьяна.

— Если установить ту работу, которая пошла на нагревание тела, и определить количество полученной при этом теплоты...

«Теплота, какое хорошее слово, — думает Вера. Теплота — это именно то, что она чувствует, когда думает о нем. Теплота огромная, до неба, ею хочется делиться. Интересно, можно ли измерить количество теплоты, которую излучает Вера, и можно ли этим количеством обогреть классную комнату. Хотя, кажется, сейчас Вера ничегошеньки не излучает, всё греется внутри, и если вся эта теплота там останется, можно взорваться.

— ... при натирании веревкой латунной трубки возникало столько теплоты, что жидкость в трубке закипала и часть её превращалась в пар...

На открытой странице учебника рисунок — пар выбрасывает пробку вверх. Да! Именно это и произойдёт прямо сейчас, если она не поделится наконец своей теплотой и ничего не сделает. А что сделать? Пихнуть его изо всех сил ногой под партой? Не то! Написать записку? Долго! Теплота уже закипает!

Вера смотрит на предмет своего обожания. Предмет шевелит губами, повторяя про себя слова учителя, перед ним раскрытый учебник физики. В самом низу страницы мелко напечатано «Механический эквивалент теплоты равен 427 кГм/ккал ». Вера осторожно придвигает учебник к себе, сосед не замечает, ведь мыслями он там у доски, рядом с Иван Сергеевичем. Она берет ручку и как можно аккуратнее выписывает между двумя "к" маленькую "а", возвращает книгу на место. Заметил! Он смотрит в учебник и замирает, краснеет кончик носа, затем весь нос, вот уже пылает лицо и дрожат губы. Он вскакивает с места и почему-то очень низким, противным и плачущим голосом воет в спину учителя — Иван Сергеевич! Лобаева в моём учебнике «какал» написала!

Класс взрывается хохотом. Рука с мелом замирает, мгновенно обрывая веселье. Так дирижер едва заметным движением палочки способен разом остановить многоголосие огромного оркестра. Воцарившаяся предгрозовая тишина сгущается над Верой, как овсяный кисель, который мама варит каждую субботу. Еще чуть и эту зловещую тишину можно будет резать на куски и выкладывать на блюде.

— Лобаева!

Вера встает, не отрывая взгляда от побагровевшей шеи учителя. Совершенно ясно, что из всех законов физики Иван Сергеевич не знает одного — закона любовного притяжения. Мамин кисель, закипающая в латунной трубке жидкость, портрет прекрасного юноши каруселью проносятся перед глазами и взрываются грозным «Вон из класса!»

Перед тем, как выйти, Вера смотрит на соседа по парте. Не украдкой, как раньше, она глядит бесстрашно и прямо. В не таких уж больших, утративших сходство с очами ренессансного юноши глазах ни капли сострадания, губы святого Себастьяна растянулись в надменной и довольной ухмылке. Вера показывает язык неудачной копии портрета кисти Больтраффио и закрывает за собой дверь.

Что это было?! Злая шутка невыспавшегося марсианина или аномальные колебания Луны? Да простит ее Святой Себастьян! Как можно было не разглядеть этого глупого выражения лица и самолюбования, не услышать плаксивых нот?! Быть такой альдебаранкой!

«Всё, товарищи марсиане, дудки, больше я себе голову морочить не позволю! Интересно, а возможно ли измерить человеческую глупость? Может быть, получится придумать прибор — идиометр? Нет, лучше дуромер... нужно будет хорошенько подумать над названием. За такое ценное изобретение можно получить Премию Ленинского Комсомола, поехать в Москву, на ВДНХ. Только в чем измерять, точно не в килокалориях, — Вера улыбается собственным мыслям. — Нужно посоветоваться с Иваном Сергеевичем, но для начала попросить у него прощения, с учебником скверно вышло. Больше никогда. Честное пионерское!»

.